

ЗАПИСКА ОБЪ АРХЕОЛОГИИ КАВКАЗА.

I.

Объ Археологии Кавказа вообще.

Въ послѣдніе годы Кавказъ возбуждалъ живѣйшій интересъ въ археологическомъ отношеніи. До того времени интересъ этотъ, можно сказать, понимался односторонне, будучи направленъ почти исключительно на изученіе архитектурныхъ памятниковъ, разсѣянныхъ во множествѣ по разнымъ мѣстамъ Края; но за 4 года предъ симъ случайно открытые въ земли камня съ удѣлѣвшими на нихъ греческою и латинскою надписями обратили серьезное вниманіе на мѣстную археологію, понимаемую въ болѣе обширномъ смыслѣ. Раскопки въ окрестностяхъ Мухета, произведенныя минувшимъ лѣтомъ, дали неожиданныя результаты и обѣщаютъ въ будущемъ открытія, касающіяся классической до-христіанской эпохи, коихъ по сіе время мало имѣлось или даже вовсе не имѣлось въ виду. Вообще же говоря, все что по настоящее время сдѣлано на поприщѣ Кавказской археологіи, сосредоточено въ трудахъ Дюбуа, Броссе, Френа, Дорна, Ханьшова, Бартоломея и не многихъ другихъ и касается только нѣкоторыхъ частей Края. Графъ Солюгубъ, въ общемъ собраніи Кавказскаго Отдѣла Географическаго Общества, 8 декабря 1856 года, поднялъ было вопросъ объ изученіи древностей Закавказья и о производствѣ раскопокъ, но предложеніе его осталось безъ послѣдствій, какъ не входившее прямо въ кругъ занятій Отдѣла. Такимъ образомъ полная и обстоятельная научная разработка Кавказскихъ древностей остается пока дѣломъ будущности. Между тѣмъ, повторяемъ, немного найдется странъ, которыя, на такомъ сравнительно небольшомъ пространствѣ, заключали бы въ себѣ столько древностей, какъ Кавказъ и Закавказье. Чтобы наглядно доказать это положеніе, я счелъ пушимымъ набросать слѣдующій бѣглый очеркъ, при составленіи котораго я пользовался главнымъ образомъ свѣдѣніями по новѣйшимъ изысканіямъ гг. барона Услара, Байерна, Кошкульи, Бакрадзе и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, болѣе или менѣе знакомыхъ съ археологіею Кавказа.

Начнемъ съ сѣверо-восточнаго берега Чернаго моря. Здѣсь прежде всего обращаютъ на себя вниманіе древнія гробницы или такъ называемые дольмены. Они сложены изъ четырехъ громадныхъ плитъ и покрыты плетою, несравненно большею по величинѣ и

несколько выдающеюся съ одной стороны; въ лицевой плитѣ продѣлано круглое отверстіе, достаточное, чтобы чрезъ него просушить голову. Дюбуа ¹⁾ описываетъ подобную могилу на Атакузѣ, въ окрестностяхъ форта св. Николая, а Бель ²⁾ упоминаетъ о таковой же въ долинѣ рѣки Пшадъ. Но онѣ встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ по берегу Чернаго моря. Такъ г. Байернъ свидѣтельствуетъ, что онъ встрѣчалъ древнія могилы въ ст. Береговой, по правому берегу р. Пшадъ, на половинѣ дороги изъ Геленджика въ ст. Пшадскую. Въ долинѣ р. Джубы между берегомъ моря и ст. Джубеской онъ встрѣтилъ двойной дольмень, который вмѣстѣ съ тѣмъ принимается за самый большой изъ всѣхъ до нынѣ открытыхъ гробницъ. Кромѣ того, гробницы этого рода встрѣчаются также въ верховьяхъ Абшиа, близъ ст. Шапугтской и Эриванской, на сѣверо-восточномъ склонѣ Кавказскаго хребта. Намъ неизвѣстно, предпринимались-ли послѣ Маринья (Taitbout de Marigny) какія либо раскопки этихъ гробницъ, но во всякомъ случаѣ правильное ихъ изслѣдованіе было бы весьма важно, если и не въ виду отысканія цѣнныхъ вещей, то хотя для одного опредѣленія эпохи, къ которой должно быть отнесено ихъ сооруженіе.

Но помимо гробницъ весь берегъ Чернаго моря отъ Анапы до Гагръ усыпанъ развалинами древнихъ построекъ, нерѣдко свидѣтельствующихъ о существованіи здѣсь городовъ и кившней въ нихъ жизни. Такъ, напр., Дюбуа ³⁾ упоминаетъ о слѣдахъ большого города противъ Суджук-кале, гдѣ до сихъ поръ время отъ времени находятъ множество древнихъ монетъ.

Всѣ эти развалины относятся ко временамъ древнихъ Грековъ, Римлянъ и Гепузцевъ, которые заводили въ этихъ мѣстахъ свои колоніи. Но народы эти, поддерживая торговныя сношенія съ береговыми жителями, вѣроятно проникали и въ глубь страны, а потому прослѣдить эти пути было бы чрезвычайно важно. Дороги — это путеводныя нити въ исторіи и культурномъ развитіи человѣчества. И что обозначаютъ всѣ эти укрѣпленные замки и башни при устьяхъ большихъ рѣкъ, какъ Бзыбь, Кодоръ, Ингуръ, Цхенис-цкали, Рионъ и Книрица, какъ не ослоты служившіе къ защитѣ древнихъ торговыхъ сообщений? Подобныя замки встрѣчаются во множествѣ и на высотахъ, господствующихъ надъ рѣками, и нѣтъ сомнѣнія, что между ними существовала связь. Тамъ, гдѣ нѣтъ замковъ, ихъ замѣняютъ монастыри, такъ напр. Джручскій монастырь связывалъ вр. Самхери съ г. Опи, т. е. Шарованъ съ Рачей, монастыри Гелатскій и Инкорциндскій служили звеньями для сношеній г. Кутанса съ Рачей.

Къ юго-востоку отъ Гагръ начинается Абхазія. Страна эта съ пограничными Цебельдою и Самурзаканью можетъ представить почву для продолжительныхъ археологическихъ изслѣдованій. Не говоря о тѣхъ мѣстностяхъ, на которыхъ когда-то процвѣтали древнѣйшія колоніи Пицунда, Илорія, Эгриса (Bedia) и мн. др., вся эта часть Кавказа изобилуетъ развалинами храмовъ, частью описанныхъ Дюбуа и Броссе, частью же нынѣ еще не изслѣдованныхъ.

¹⁾ Dubois, Voyage autour du Caucase, etc. Paris. 1839. Tom. I. pag. 43.

²⁾ I. S. Bell, Journal d'une résidence en Circassie pendant les années 1837 — 1839. Paris. 1841. Tom. II. pag. 146.

³⁾ Dubois, Voyage etc. Tom. I. pag. 9.

Около Пшунды и по правому берегу Бзыба обращают вниманіе священныя дѣла, встрѣчающіеся и въ другихъ мѣстахъ Кавказа. Не говоря уже о попадающихся въ нихъ развалинахъ, самыя деревья, именно значительнѣйшія изъ нихъ по объему и величинѣ, насажденныя, по мнѣнію г. Байерна, руками человека, скрываютъ подъ своими корнями урны и амфоры. Такое предположеніе г. Байерна не есть простая гипотеза, а основано на томъ обстоятельстве, что вещи этого рода были нерѣдко находимы подъ деревьями, въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣднія были вырываемы сильными и порывистыми вѣтрами.

Болотистая и покрытая роскошною растительностью низкая Мингрелія, между Ингуромъ и Ріономъ, представляетъ мало археологическаго интереса. За то горная Мингрелія, Лечгумъ и Сванетія въ особенности богаты древними башнями и храмами, что въ равной степени относится къ Рачѣ, Имеретіи и Гуріи. Во всѣхъ этихъ провинціяхъ когда то преобладало вліяніе Греческое, смѣнившееся впоследствии Византійскимъ и Персидскимъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ напр. по берегамъ Квирилы, сохранились слѣды жилищъ троглодитовъ. Въ отношеніи свайныхъ построекъ нельзя не обратить вниманія на тѣже Мингрелію, Гурію и Имеретію, но ихъ слѣдуетъ искать не въ озерахъ, которыхъ здѣсь, кромѣ Палеостомы, не имѣется, а на равнинахъ, когда-то находившихся подъ водою, а теперь покрытыхъ лѣсомъ.

Месхійскій хребетъ, чрезъ который по богатымъ Греческимъ колоніямъ пролегла главная дорога къ Черному морю, отдѣляетъ бассейнъ р. Куры отъ бассейна р. Ріона. Съ этой пограничной чертой измѣняются и самыя природныя условія, повліявшія на жителей этой области и ихъ исторію. Здѣсь природа не представляетъ уже той мягкости и нѣжности, какъ въ странахъ, прилегающихъ къ восточному берегу Чернаго моря. Непрестанныя нападенія извнѣ и опустошенія обрекли жителей Карталинн и восточной Грузіи, куда доступъ былъ легче чѣмъ въ Колхиду, на жизнь тревожную и боевую и обусловили здѣсь самый своеобразный строй. Не говоря уже о попадающихся почти на каждомъ шагѣ не только по теченію р. Куры, начиная отъ ея истоковъ до самаго Тифлиса, но и по долинамъ притоковъ этой рѣки, пещеръ и цѣлыхъ колоній Троглодитовъ (Уплис-цихе), вся Карталія, Кахетія, Салихетія и Ахалцихскій уѣздъ, прилегающій къ Турецкой Грузіи, усыяны древними башнями и замками, конструкція коихъ живо напоминаетъ нурхаги (Nurhagen) въ Сициліи и которые служили во дни опасности надежнымъ убѣжищемъ для жителей и ихъ семействъ. Многочисленныя церкви въ Грузіи тоже играли за частую роль крѣостей. Этого мало, даже самыя могилы въ Грузіи своимъ внутреннимъ устройствомъ какъ бы указываютъ на то, что покойникамъ старались доставить такія мѣста вѣчнаго успокоенія, чтобы никакія случайности не могли ихъ потревожить. Онѣ находятся не надъ землей, какъ могилы въ Осетіи или гробницы по берегу Чернаго моря, но подъ землей и устроены изъ пяти каменныхъ плитъ или, какъ въ долинѣ Арагвы, сложены изъ четырехъ стѣнъ, покрытыхъ сверху плитою, но такъ, что ихъ никакая насыпь не обозначаетъ.

Переходя къ Имеретіи и Черкесіи, видимъ, что здѣшніе обитатели своего вѣка жили въ деревянныхъ домахъ; Грузины, Армяне и Татары, напротивъ того, въ землянкахъ. Во Мцхетѣ онѣ были крыты черепицей. Между тѣмъ какъ по берегамъ Чернаго моря и въ Колхидѣ, гдѣ преобладаетъ лѣсъ, не найдется слѣдовъ древнихъ городовъ, селъ и деревень,

за исключеніемъ построенныхъ Греками, Римлянами и Генуэзцами, Грузины и въ до-христіанскую эпоху строились также, какъ и нынѣ.

Почва Грузіи несомнѣнно доказываетъ, что она нѣкогда была покрыта озерами; это даетъ поводъ искать здѣсь слѣды свайныхъ построекъ. На эту мысль наводитъ въ особенности лѣвый берегъ Арагвы, между Душетомъ и Мцхетомъ, гдѣ зачастую попадаются кости и глиняные черенки, также мѣстность между сел. Алены и дер. Ахалкалаки, противъ Улис-цихе, дагѣ между Ахалкалаки и Мцхетомъ и между г. Гора и сел. Каспи, при впаденіи р. Лехури въ Куру. Въ Сомхетіи свайныя постройки встрѣчаются въ Тонарованскомъ озерѣ. Мѣстныя жители рассказывали г. Байерну, что они во время купанья въ озерѣ нерѣдко попадаютъ на мель, на которой имѣются столбы, вбитые въ песчаный грунтъ.

Но главное богатство Грузіи состоятъ въ многочисленныхъ развалинахъ церквей и монастырей, а также въ древнихъ капищахъ, частью обращенныхъ въ Христіанскіе храмы, частью же остающихся въ прежнемъ видѣ и служащихъ во многихъ мѣстностяхъ предметомъ народныхъ сходбищъ и празднествъ.

Тіонеты и Кахетія, или лучше, области рѣкъ Іоры и Алазани бѣдны археологическими древностями. Здѣсь достойно упоминанія только Тамарис-джвари или Лашарис-джвари, на Пшавской Арагвѣ, какъ мѣсто народнаго поклоненія, и Накалакари, древняя крѣпость между Алазаною и Ахмети, въ Кахетіи.

Тутъ же слѣдуетъ упомянуть о Тушино-Пшаво-Хевсурскомъ Округѣ, гдѣ есть капища, богатая серебряными сосудами, которые накопились вѣками, благодаря усердію мѣстныхъ жертвователей; ихъ ревниво оберегаютъ туземные жрецы деканозы, укрывая ихъ въ подземельяхъ, которыя извѣстны только имъ однимъ, и лишь разъ въ году, въ день праздника, выносятъ ихъ на свѣтъ Божій¹⁾. Въ предѣлахъ этого округа, какъ и въ Осетіи, стали находить внутри могилъ вещи изъ бронзоваго періода; нѣкоторые изъ такихъ вещей хранятся нынѣ въ Кавказскомъ Музеумѣ.

Что природа вездѣ оказываетъ неотразимое вліяніе на человѣка, это такая истина, которую излишне доказывать. Долина средней Карталии, болѣею частью голая, безлѣсная, знойная, населена народомъ сравнительно неповоротливымъ, только въ случаѣ крайней нужды энергическимъ и склоннымъ къ общественной жизни. Грузины же, населяющіе болѣе возвышенныя мѣстности, какъ напр. Ахалцихскій уѣздъ и Кахетію, несравненно ихъ бодрѣе, дѣятельнѣе и воспримчивѣе.

Совершенно другое представляютъ собою Осетины. Вліяніе Грузинъ на тѣхъ изъ нихъ, которые населяютъ южный склонъ Кавказскаго хребта, также несомнѣнно, какъ и вліяніе Кабардинцевъ на жителей сѣвернаго его склона, но въ глубинѣ главнаго хребта и преимущественно въ труднодоступныхъ тущобахъ сохранился чистый Осетинскій элементъ.

Свѣдѣнія наши объ Осетіи крайне скудны и еще недавно ограничивались, можно сказать, одними филологическими изслѣдованіями надъ языкомъ ея обитателей, предпринятыми

¹⁾ См. кн. Р. Эрстова, о Тушино-Пшаво-Хевсурскомъ Округѣ, въ III книжкѣ Записокъ Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Тифлисъ. 1855.

гг. Шегренемъ и Шифнеромъ. Только въ послѣднее время, благодаря трудамъ доктора Пфаффа¹⁾, исключительно посвятившаго себя изученію этой любопытной части Кавказа, мы успѣли ознакомиться съ строемъ ихъ общественнаго быта и юридическими обычаями.

Въ Осетіи также попадаются церкви и монастыри либо въ развалинахъ, либо въ уцѣлѣвшемъ видѣ. Они по преимуществу сооружены на трудно доступныхъ горахъ, которыя въ глазахъ Осетина составляютъ своего рода святиню и предметъ почитанія. Между ними особенное вниманіе заслуживаютъ: церковь Нузальская, въ котловинѣ Касарскаго ущелья, знаменитая своими пресловутыми надписями и рисунками, и храмъ Рекомскій, въ глубинѣ ущелья р. Цейдонъ, притока Ардона. Онъ имѣлъ когда-то огромныя богатства, которыя неизвѣстно куда дѣвались. Подъ храмомъ, по словамъ жителей, идутъ подземные ходы; также развалины прекрасной Грузинской церкви въ Зругѣ, и пр.²⁾ Въ Осетіи встрѣчаются также старинныя крѣпости, какъ напр. та, о которой упоминаетъ докторъ Пфаффъ около аула Нузалъ. Она высѣчена въ высокой скалѣ, на правомъ берегу Ардона, и имѣетъ бастионы, которые, по рассказамъ жителей, связаны между собою подземными ходами. Сверхъ того по всей Осетіи, какъ и въ землѣ Тушингъ, Пшавъ, Хевсуръ и Галгаевъ, попадаются каменные столбы, сложенные или просто изъ камней или же связанные цементомъ. Столбы эти воздвигнуты по всей вѣроятности или номадами или же отцами семействъ, въ честь домашняго духа, и по сіе время сохраняютъ за собою имена ихъ строителей.

Восточное Закавказье (Елисаветопольская и Бакинская губерніи) замѣчательны монастырями, цилиндрическими башнями (Берда), могилами и каравансараями. Въ Карабагѣ, недалеко отъ Арцеваника, гг. Гагемейстеръ и Байернъ въ 1849 году видѣли Троглодитовыя пещеры. Каменные могилы, имѣющія форму ящичковъ, встрѣчаются около Елисаветополя и по видимому большіхъ размѣровъ, чѣмъ грузинскія. Близъ колоніи Еленендорфъ, въ одной изъ такихъ могилъ найдено большое количество верблюжьихъ костей. Всѣ вообще могилы мусульманскихъ провинцій находятся на равнинахъ и никогда на горахъ, и относятся къ позднѣйшей эпохѣ. Въ нихъ часто попадаются древнія монеты.

Изъ монастырей въ Карабагѣ въ особенности замѣчательнъ Татевскій; онъ достоинъ обстоятельнаго изученія отъ колокольнаго до надгробныхъ камней.

Въ Елисаветопольской губерніи заслуживаютъ вниманія холмы, образовавшіеся изъ горшечныхъ обломковъ: въ этомъ отношеніи особенно замѣчательнъ Мшигчауръ. Холмы тянутся здѣсь на пространствѣ полуверсты вдоль праваго берега р. Куры и свидѣлствуютъ о существовавшихъ здѣсь когда-то свайныхъ постройкахъ. Слѣды этого рода сооруженій существуютъ и на оз. Гокча.

Черезъ территоріи Карталинѣи и Елисаветополя, долиною р. Акстафы идетъ дорога, извѣстная еще въ древности, на плоскую возвышенность классическаго Аракса. Встрѣчаю-

1) По настоящее время докторомъ Пфаффомъ напечатаны:

1) Матеріалы для древней Исторіи Осетинъ, въ IV и V выпускахъ Сборника свѣдѣній о Кавказскихъ Горцахъ. Тифлисъ, 1870—71.

2) Beiträge zur vergleichenden Jurisprudenz. — Das Volksrecht der Ossethen. Hannover. 1870.

3) Путешествіе по ущельямъ Сѣверной Осетіи, въ I томѣ Сборника свѣдѣній о Кавказѣ. Тифлисъ, 1871.

2) См. объ этихъ церквахъ Пфаффа Путешествіе, и пр.

щися на ней монастыри и замки лежать въ развалинахъ и только за Делижаномъ часть ихъ сохранялась въ цѣлости. Вообще Арменія по развалинамъ самая богатая страна на Кавказѣ. Знаменитѣйшія между ними тронъ Тиридата, около сел. Бангария; Тигранокерта, нынѣшній Кара-Кала, на Араксѣ; монастырь Кызыл-Банкъ, на Арпачаѣ, въ Даралагѣзѣ, гдѣ находится замѣчательный надмогильный памятникъ царя Сумбата II; монастырь Кегвардъ, на Гарничаѣ и др.

Въ Арменіи есть также Троглодитовыя пещеры, но здѣсь онѣ встрѣчаются не въ долинахъ рѣкъ, какъ въ Грузіи, а по преимуществу на горахъ, вдали отъ рѣкъ, какъ напр. на Горган-дагѣ, сѣверномъ отрогѣ Арарата; у Твина, близъ Эривани и монастыря Кегварта, на Гарничаѣ.

Пограничные и дорожные столбы, встрѣчающіеся на плоскогоріи Даралагѣза (Нахичеванскаго уѣзда), принимаются жителями нерѣдко за межевые знаки. Между тѣмъ въ научномъ отношеніи они интересны, какъ указатели древнихъ торговыхъ путей. Такъ столбы отъ дер. Яйджи (Нахичеванскаго уѣзда) по лѣвую сторону восточнаго Арпачаи, чрезъ плоскогоріе Хадчикъ, переваль Пайдара, Амаги, Кызыл-банкъ, Гинишикъ, Кешиш-кендъ и пр. обозначаютъ собою дорогу къ древнимъ персидскимъ серебрянымъ рудникамъ въ Гюмюшханъ, а оттуда на Базар-чай, на развалины древняго города Базаркенда.

Въ Эриванской губерніи горнымъ инженеромъ Кошкулемъ были открыты между прочимъ предметы изъ каменнаго періода. По случаю этихъ находокъ онъ сообщилъ мнѣ слѣдующее:

«Во время осмотра ломокъ каменной соли въ Эриванской губерніи, осенью 1864 г., мною найдены были каменные молота, какъ близъ Кульбинскаго солянаго промысла, находящагося въ Эчмиадзинскомъ уѣздѣ, въ 90 верстахъ отъ города Эривани, на берегу р. Аракса, такъ и близъ Нахичеванской ломки, находящейся въ 14 верстахъ отъ уѣзднаго города Нахичевани.

«Пласты каменной соли, извѣстныя въ названныхъ мѣстахъ Эриванской губерніи, бываютъ толщиною отъ нѣсколькихъ футъ и до 60 и 70 футъ.

«Толщи здѣшней каменной соли заключаются въ породахъ третичной формации и вмѣстѣ съ окружающими ихъ пластами, представляющими песчаникъ, пестрые рухляки и сланцеватая темнаго цвѣта глина, образуютъ складочныя залежи.

«Мѣстности, въ которыхъ находится эти толщи соли, прорѣзаны по разнымъ направленіямъ довольно глубокими долинами размыва, оврагами и водомойнами; по этому вслѣдствіе такихъ топографическихъ условій этихъ мѣстъ, а равно и выше приведеннаго условія залеганія толщъ каменной соли, пласты послѣдней неоднократно встрѣчаются обнаженнымъ или выходящими на поверхность земли въ боковыхъ склонахъ овраговъ и долинъ размыва. Подобными условіями, можно сказать, природа сама способствовала къ тому, что пласты каменной соли въ названныхъ мѣстностяхъ сдѣлались издревле извѣстными людямъ и что разработка или добыча соли сдѣлалась доступною человѣчеству, находящемуся еще на самой первой ступени развитія. Можно сказать, что нынѣ существующія разработки этихъ пластовъ немногимъ отличаются отъ самаго первобытнаго способа. Какъ въ Кульбахъ, такъ и въ Нахичевани разработка пластовъ соли производится прямо съ поверхности или горизонтально или по наклону слоя соли. Рядомъ съ нынѣ существующими разра-

ботками существуют въ близъ лежащихъ оврагахъ множество древнихъ раскопокъ, о времени существованія которыхъ только свидѣлствуютъ остатки каменныхъ молотовъ и черепки сосудовъ изъ обожженной глины. Такъ какъ пласты породъ, лежащихъ выше солянаго слоя, довольно тверды, то эти древнія разработки не обвалились и въ большей части случася доступны до настоящаго времени. Посѣщая эти старыя соляныя копи, которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ представляютъ цѣлый лабиринтъ подземныхъ ходовъ, выше приведенные остатки древностей были находимы при слѣдующихъ условіяхъ: въ нѣкоторыхъ болѣе обширныхъ мѣстахъ разработокъ находимы были неправильнаго вида кучи мелкой соли, смѣшавшейся, вѣроятно отъ времени съ глиною и обломками другихъ пустыхъ породъ.

«На поверхности этихъ кучъ или въ ближайшемъ ихъ сосѣдствѣ преимущественно находимы были обломки, а нерѣдко и хорошо сохранившіеся каменные молота; также довольно часто обломки ихъ встрѣчаются въ концѣ нѣкоторыхъ древнихъ ходовъ, которые можно принять мѣстами послѣдней добычи соли или, выражаясь терминомъ рудоконовъ, «послѣдними забоями». Близъ Нахичеванской соляной ломки однако, кромѣ того, случалось находить множество такихъ остатковъ не только въ подземныхъ выработкахъ, но также на открытой мѣстности предъ входами въ подобныя древнія выработки.

«Въ послѣднемъ случаѣ остатки молотовъ также лежали на поверхности или вблизи кучъ пустой породы, смѣшанной съ мелкою солью; обыкновенно эти кучи расположены въ неправильномъ порядкѣ на болѣе ровномъ мѣстѣ передъ входомъ въ древнюю ломку соли; по этому надо полагать, что по вытаскиваніи соли изъ копи, на этихъ площадяхъ производилась дальнѣйшая разработка ея, или разбивка на болѣе мелкіе куски и вообще очистка отъ нечистотъ. Для подобной же цѣли вѣроятно служили вышеприведенныя, болѣе обширныя пространства внутри древнихъ выработокъ, какъ это часто и теперь дѣлается въ обширныхъ рудникахъ настоящаго времени, для того, чтобы избѣгнуть излишней работы отъ доставки пустой породы изъ рудника.

«Матеріалъ, изъ котораго состоятъ найденные молота, представляетъ совершенно одинаковую породу, т. е. родъ гиперстена. По формѣ и величинѣ же они весьма различны. Чѣмъ меньше молота, тѣмъ болѣе заостреною представляется лицевая часть ихъ, вследствие чего надо полагать, что ими производились насѣчки бороздъ для легчайшаго откалыванія на томъ глыбъ или большихъ кусковъ отъ сплошной массы пласта. Молота самаго большаго вида имѣютъ лицо совершенно плоское, на подобіе того какъ у шифшней рудничной балды, которою производится отбивка большихъ кусковъ соли отъ стѣны выработки и также разбивка крупныхъ кусковъ соли на мелкіе. Присадка каменныхъ молотовъ Кульпинскихъ и Нахичеванскихъ къ молотовицу или къ рукояткѣ не производилась, подобно тому какъ теперь, посредствомъ отверстія круглаго или продолговато четырехъ-угольнаго въ верхней части молотка; концомъ молотовица надо полагать, что обхватывалась верхняя часть молотка, по тому что на обѣихъ боковыхъ сторонахъ верхней части молотовъ имѣется довольно глубокая желобчатая бороздка; въ эти бороздки входили виллообразно расколотые концы деревяннаго молотовица, которые потомъ связывались съ передней стороны молота, такъ что послѣдній находился какъ бы ущемленнымъ въ своемъ молотовицѣ, на подобіе того, какъ это и теперь дѣлается кузнецами съ насѣчками.

«Длина найденных каменных молотовъ была отъ 4 дюймовъ до 1 фута и 2 дюймовъ и вѣсъ ихъ отъ 4 фунтовъ до 1 пуда съ лишнимъ.

«Въ заключеніе еще слѣдуетъ привести то обстоятельство, что молота найденные близъ Кульги и Нахичевани по формѣ и породѣ, изъ которой сдѣланы, не только сходны съ найденными въ Европѣ, но и съ тѣми, которыя были отысканы въ Соединенныхъ штатахъ Америки близъ Верхняго озера, въ древнихъ рудникахъ самородной мѣди»¹⁾.

Обращаясь къ Дагестану, мы позволяемъ себѣ думать, что археологическія изслѣдованія здѣсь едва-ли могутъ привести къ замѣчательнымъ результатамъ. Надписей много на кладбищахъ, но онѣ не имѣютъ историческаго значенія. Еще въ прошломъ вѣкѣ, если не ошибаюсь, найдена была гвоздеобразная надпись близъ Тарку. Ген.-м. Усларь, уже столько лѣтъ посвящающій всю свою научную дѣятельность Дагестану, сколько ни старался узнать, вѣтъ ли гдѣ еще такихъ надписей, показывая съ этою цѣлью находящіяся у него снимки, но постоянно получалъ въ отвѣтъ, что подобныхъ никто никогда не видывалъ. Близъ аула Нетюгъ, въ Кюринскомъ округѣ, находится покинутое кладбище съ множествомъ надписей, въ которыхъ, какъ говорятъ туземцы, ни одинъ ихъ ученый не можетъ разобрать ни буквы. Судя по направленію могилъ, кладбище это мусульманское, а невозможность разобрать надписи вовсе не доказываетъ, чтобы онѣ не были арабскія. Въ Дагестанѣ множество урочищъ, на которыхъ замѣтны слѣды жилищъ или слѣды кладбищъ; они носятъ вообще названіе *Кяфирскихъ ауловъ* и *Кяфирскихъ кладбищъ*. Ген. Услару считали семь подобныхъ урочищъ вокругъ одного сел. Араканы. Эти Кяфиры, быть можетъ, предки нынѣшнихъ горцевъ, но они ихъ не признаютъ за своихъ.

Тамъ находятъ много мѣдныхъ вещей, которыхъ назначеніе загадочно; думаютъ, что это запястья, серги и т. п., но по размѣрамъ онѣ слишкомъ велики, и горцы придумали, будто на этихъ мѣстахъ жили нѣкогда великаны и великаниши. Кладбища могутъ доставить коллекцію череповъ, которая будетъ имѣть немаловажное значеніе для науки. За эти черепа горцы не стоятъ, между тѣмъ какъ добываніе мусульманскихъ череповъ возбудило бы въ нихъ сильное раздраженіе.

Самою привлекательною археологическою работою въ Дагестанѣ можетъ послужить точное описаніе Кавказской стѣны, для чего необходимо нѣсколько специалистовъ, между прочими фотографъ и инженеръ-строитель. Слѣдовало бы приложить къ описанію альбомъ рисунковъ и издать его со всею роскошью, съ какою издали, напр., атласы памятниковъ американскихъ, египетскихъ, индустанскихъ и пр. Все это обойдется очень дорого, но изданіе можетъ во всякомъ случаѣ окупиться, потому что экземпляры его будутъ разобраны значительными европейскими библіотеками.

За сямъ два слова о сѣверномъ Кавказѣ. Если Чечня представляетъ мало археологическаго интереса, то едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что въ нынѣшнемъ Черноморскомъ Округѣ, гдѣ нѣкогда процвѣтало множество Греческихъ городовъ, не найдется столько же сокровищъ, сколько ихъ нашлось въ окрестностяхъ Керчи. По Кубани встрѣчается тысяча кургановъ, весьма правильно округленныхъ и какъ бы вчера насыпанныхъ.

¹⁾ Два изъ найденныхъ въ Кульгинскихъ копанъ молотовъ были представлены г. Кошкулемъ въ Имп. Академію Наукъ, и хранятся въ ея этнографическомъ Музеѣ. *Примѣчаніе редакціи.*

Размѣры ихъ рѣдко бываютъ значительны; ни малѣйшихъ слѣдовъ рововъ около нихъ не замѣтно. Это заставляетъ думать, что сначала вырывались ямы, надъ которыми выводились своды и эти послѣдніе засыпались вырытой землей.

На сѣверномъ склонѣ Кавказскаго хребта, въ особенности-же въ окрестностяхъ Питгорска, на равнинѣ Ставрополя, и между Екатеринодаромъ и Азовскимъ моремъ, а также на Таманскомъ полуостровѣ нѣкоторые предполагаютъ существованіе слѣдовъ свайныхъ построекъ.

Въ заключеніе этого бѣлаго очерка считаю излишнимъ упомянуть о необходимости обратить вниманіе на разнаго рода древнее оружіе, монеты и другія вещи, встрѣчающіяся на всемъ пространствѣ Кавказа, и по возможности предупредить безслѣдное исчезновеніе ихъ для науки.

Очертивъ въ главнѣйшихъ пунктахъ выдающіяся археологическія особенности Края, и снова перенесусь на почву древней Грузіи, о важности изученія которой въ археологическомъ отношеніи г. Бакрадзе, близко и на мѣстѣ изучавшій свою родину, сообщилъ мнѣ особую, въ слѣдъ за сямъ помѣщаемую записку.

II.

О важности изученія Грузіи въ археологическомъ отношеніи.

Кто имѣлъ случай путешествовать по Закавказскому краю, особенно въ сторонѣ отъ почтовыхъ трактовъ, тотъ не могъ не обратить вниманія на множество старыхъ архитектурныхъ памятниковъ. Памятники эти суть: замки, башни и храмы Божія, которые лежатъ преимущественно на высихъ горъ и въ ущельяхъ, частью уцѣлѣвшіе, частью въ развалинахъ, покрытые плочемъ и пробивающіеся изъ щелей ихъ стѣны и крыши многолѣтними деревьями. Большая часть ихъ стоитъ уединенно въ мѣстахъ пустынныхъ, гдѣ однако, какъ это показываютъ слѣды жилищъ, кругомъ когда-то кипѣла жизнь, Богъ знаетъ когда замершал. Они именно встрѣчаются въ Кахетин, Карталин, Самхетин, Ахальцхскомъ уѣздѣ, Турецкой Грузіи, Имеретин, Сванетин и Абхазин. Чѣмъ далѣе путешественникъ подвигается изъ Восточной Грузіи къ побережью Чернаго моря, тѣмъ онъ ихъ находитъ больше и въ архитектурномъ ихъ искусствѣ замѣчаетъ болѣе изящества. Если при этомъ онъ имѣетъ цѣлью изученіе края въ историческо-археологическомъ отношеніи, то въ болѣе части замковъ и башенъ онъ найдетъ живыхъ свидѣтелей до-исторической Грузіи и вліянія Греческихъ колоній, занимавшихъ Западную Грузію съ VI вѣка до нашей эры, и церкви и монастыри представятъ предъ его любознательностью памятникамъ христіанства, воздвигнутыми ревностью свѣтскихъ и духовныхъ правителей, преимущественно въ періодъ времени между VI и XIII столѣтіями. На наружныхъ и внутреннихъ стѣнахъ церковныхъ зданій его заинтересуютъ старыя надписи; въ надписяхъ онъ прочтетъ время постройки, имена строителей, современныхъ царей и правителей, иногда же цѣлые эпизоды изъ политической, а отчасти и изъ внутренней жизни народа. Такого же рода вещи онъ усмотритъ какъ въ надписяхъ иконъ, во множествѣ уцѣлѣвшихъ, особенно въ Сванетин,

такъ и въ припискахъ церковныхъ пергаментныхъ манускриптовъ, изъ которыхъ древнѣйшій, до насъ дошедшій относится къ 936 году, равно и въ церковныхъ хартіяхъ, называемыхъ Гуджарами, и въ дворянскихъ документахъ, извѣстныхъ подъ именемъ сгелей.

Повѣстно послѣ этого то значеніе, которое этимъ памятникамъ археологіи приписываютъ по отношенію къ исторіи края. Надписи на церковныхъ зданіяхъ и иконахъ, приписки на манускриптахъ, церковныя и свѣтскія хартіи исправляютъ, дополняютъ и освѣщаютъ факты, изложенные въ грузинскихъ лѣтописяхъ, которыя извѣстны подъ именемъ Картлисъ-Цховреба и несомнѣнно несутъ на себѣ отпечатокъ глубокой древности. Безъ археологическаго разъясненія Картлисъ-Цховреба во многихъ случаяхъ не возбуждаетъ довѣрія къ себѣ и потому до изученія грузинской археологіи на мѣстѣ, академикъ Броссе не могъ приняться за изданіе Картлисъ-Цховреба въ французскомъ переводѣ. Плодомъ этого изученія было извѣстное его сочиненіе: *Rapports sur un voyage archéologique dans la Géorgie et dans l'Arménie, exécuté en 1847 — 48. S.-Petersbourg. 1849 — 51. 3 Voll. 8°. Avec un Atlas de 45 planches lithogr. in-Fol.* Оно служитъ яснымъ доказательствомъ какъ чрезвычайнаго множества археологическихъ данныхъ въ Грузіи и Русской Арменіи, такъ равно и историческаго ихъ значенія. Въ книгѣ г. Броссе собраны всѣ надписи, которыя онъ въ теченіе двухъ лѣтнихъ своихъ экскурсій по краю успѣлъ снять на древнихъ храмахъ и иконахъ; въ нее вошло также много такихъ надписей, которыя были скопированы и сообщены ему случайными лицами, преимущественно изъ служащихъ. Число всѣхъ надписей, снятыхъ разновременно Дюбуа, Броссе, Мегвинетхусеовымъ, Бартоломеемъ, Бакрадзе и Саргисіаномъ, Броссе опредѣляетъ до 2030 (*Mémoires de l'Académie des Sciences de St. Pétersbourg, VII série, tom. VIII. № 10. Inscriptions géorgiennes et autres recueillies par le Père Nersés Sargisians. S. Pétersbourg. 1864. pag. 1*). Въ *Voyage archéologique* г. Броссе знакомитъ насъ какъ съ текстомъ надписей, такъ и съ исторіею ихъ, отчасти въ связи съ исторіею края. Равнымъ образомъ онъ объясняетъ намъ содержаніе грузинскихъ церковныхъ и дворянскихъ хартій, относящихся къ періоду времени отъ XI до XVIII столѣтій. Хартіи эти служатъ предметомъ «четвертаго донесенія» въ его *Voyage*, р. 1—50 и XVI Addition въ его *Histoire de la Géorgie, II, partie, 1857. р., 441—562*. По словамъ его онѣ суть: «церковныя гуджары, въ числѣ трехъ тысячъ, хранящіяся нынѣ въ Главномъ Управленіи въ Тифлисѣ и взятые изъ Грузино-Имеретинской Синодальной Конторы; дворянскіе сгели, извѣщавшіе въ архивахъ дворянства въ Тифлисѣ и Кутаисѣ, равно какъ и документы, касающіеся Ахалцихскаго уѣзда и Мингрелии. Въ нихъ заключаются: изображеніе общественной жизни народа и положенія частныхъ лицъ; свѣдѣнія о религіозныхъ, гражданскихъ и военныхъ установленіяхъ; законы о правѣ собственности, куплѣ, наследствѣ и отчужденіи; система налоговъ; взаимныя отношенія гражданъ между собою и къ Государству; всѣ тѣ особенности, которыя обуславливаютъ настоящій характеръ націи и будущее ея развитіе. Таковы грузинскія хартіи, которыя однако еще не разобраны и не выписаны. Если кто возьмется за этотъ трудъ, тотъ послѣ многихъ годовъ добросовѣстной и усидчивой работы будетъ имѣть своею наградою достоверную и критическую исторію Грузіи». *Histoire de la Géorgie, II, р. 441; Voyage archéologique, IV rapport, р. 2*.

Мнѣніе г. Броссе о значеніи грузинскихъ хартій нисколько не преувеличено. Несомнѣнно

миѣнно, что надписи, собранныя имъ на мѣстѣ, много пролили свѣта на грузинскія лѣтописи. Несомнѣнно и то, что извлеченія сдѣланныя г. Броссе изъ хартій, значительно выяснили внутреннюю жизнь старой Грузіи. Если это такъ, то въ интересѣ науки нельзя не пожелать, чтобы археологическое изученіе нашего края не ограничилось однимъ трудомъ г. Броссе. Трудъ его далеко неполный. Мы знаемъ, что изъ огромной массы хартій онъ имѣлъ возможность разобрать лишь 117, которыя относятся: 1 къ XIV, 1 къ XV, 21 къ XVI, 21 къ XVII, 57 къ XVIII и 16 къ XIX столѣтіямъ. Кромѣ того, изъ значительнаго числа церковныхъ гуджаровъ онъ сдѣлалъ извлеченія, но самыя краткія (*Histoire de la Géorgie*, II, p. 442; *Voyage archéologique*, IV rapport, p. 1—50). Что касается надписей на церквахъ и иконахъ, то едва-ли не большая часть ихъ остается не снитою. Броссе посѣтилъ не весь археологическій районъ Грузіи. Въ этомъ отношеніи имъ не изслѣдованы уѣзды Сигнагскій и Александропольскій; окраины участковъ: Ахалкалакского, Тифлисскаго и Борчалнскаго; часть Тифлисскаго губерніи, лежащая вправо отъ р. Арагвы, вдоль военно-грузинской дороги; часть Кутаисскаго губерніи, расположенная вправо отъ р. Квирилы и по ту сторону Ріона; Гурія, долина верхней Куры и весь бассейнъ р. Чороха въ Турецкой Грузіи. (*Voyage archéologique. Résumé*, p. 8. *Mélanges asiatiques*, t. 1. liv. I. p. 31, 155). Изъ этихъ мѣстностей самую богатою въ археологическомъ отношеніи представляется Турецкая Грузія. Турецкая Грузія вмѣстѣ съ нашимъ Ахалцихскимъ уѣздомъ была извѣстна въ Грузинскихъ лѣтописяхъ подъ именемъ Месхія, Верхней Карталиніи и Саатабаго. Она лежала ближе къ Греціи, была почти постоянно подъ вліяніемъ ея цивилизаціи и потому своею культурою она превзошла остальныя части Грузіи. Лучшіе свѣтскіе писатели Грузіи въ лучшіе дни ея, большая часть переводчиковъ священныхъ и церковныхъ книгъ на грузинскій языкъ были родомъ изъ Верхней Карталиніи. Самый развитый грузинскій языкъ былъ языкъ верхне-карталинскій. Грузинскій языкъ до сихъ поръ господствуетъ во всемъ Лазистанѣ, до Байбурга и до границъ Трапизонта. Верхняя Карталинія была въ VIII в. по Р. Х. колыбелью династіи грузинскихъ багратидовъ и центромъ, давшимъ Грузіи единство и могущество въ XII столѣтіяхъ, при абхазо-карталинскихъ царяхъ. Карталиецъ-Цховреба указываетъ здѣсь множество древнѣйшихъ въ Грузіи храмовъ, которые, какъ достоверно извѣстно, и понынѣ бережетъ полумагометанское, полухристіанское туземное населеніе. Незначительное число надписей, скопированныхъ въ Турецкой Грузіи, такъ сказать, мимоходомъ Аби-хомъ, Ханьковымъ, Кохомъ и мекхитаристомъ Персесомъ Саргисіаномъ, относятся къ IX, X, XI и XII столѣтіямъ. Саргисіанъ, посѣтившій Чорохскій бассейнъ въ промежутокъ времени между 1843 и 1853 годами, и сообщившій академику Броссе 35 интересныхъ грузинскихъ надписей, скопированныхъ имъ въ Еошкѣ, въ Ишхани, Агараки, Чаггли, Карѣ и Ани, съ прискорбіемъ заявляетъ, что онъ не имѣлъ возможности списать «во множествѣ имъ замѣченныхъ на тамошнихъ церквахъ грузинскихъ надписей» (*Inscriptions géorgiennes*. p. 2, 24. — *Mélanges asiatiques*. . . . t. 1. liv. I. p. 156).

У насъ начало и осуществленіе всѣхъ научныхъ предпріятій возможно лишь при непосредственномъ участіи правительства. Изученіемъ Кавказа во всѣхъ его отношеніяхъ мы обязаны именно правительству. Такъ напр., самыя плодотворныя по своимъ результатамъ путешествія на Кавказъ, Рейнегса, Гюльденитета, Клапрота, Шегрена, Броссе, отчасти и Дюбуа, были дѣломъ правительства. Извѣстныя геологическія изысканія Кав-

каза, болѣе 20 лѣтъ производимыя ученымъ Абихомъ, обнаруженіе архивныхъ фактовъ о дѣятельности нашей администраціи, со времени присоединенія края къ Россіи, въ трудахъ Археографической Комисіи въ Тифлисѣ, несомнѣнно доказываютъ то, что мѣстная власть не щадитъ своихъ средствъ къ всестороннему изслѣдованію края, вѣреннаго ей заботамъ. Что Кавказъ представляетъ высшій интересъ въ научномъ отношеніи, въ этомъ нѣтъ и не можетъ быть сомнѣнія. Изученіе его геологіи, его языковъ, его военной исторіи, будучи однажды начато, хотя медленно, но все таки подвигается впередъ. Археологическо-историческое же его изученіе, начало которому положено тому назадъ четверть столѣтія академикомъ Броссе, по видимому, его трудами же и закончилось. Между тѣмъ если мы припомнимъ, что лучшіе европейскіе писатели, касавшіеся исторической жизни Грузіи, а именно: Сень-Мартенъ, Вивіенъ де Сень-Мартенъ и Дюбуа де Монперэ считаютъ древнія преданія грузинской письменности серьезными источниками, проливающими свѣтъ не только на Кавказскія племена, но и на исторію Азіи (S. Martin, *Mém. sur l'Arménie*, t. II, p. 190. Vivien de St.-Martin. *Recherches sur les populations du Caucase*, p. 78—79. Dubois, *Voyage autour du Caucase*, t. I. p. 62—63), то нельзя не сожалѣть, что жизнь «древней Грузинской націи, по выраженію Дюбуа, съ незапамятныхъ временъ стерегшей Кавказскій перешеекъ и имѣвшей прямое соприкосновеніе со всѣми народами», до сихъ поръ мало изслѣдована въ лучшихъ и самыхъ достовѣрныхъ ея памятникахъ, въ многочисленныхъ надписяхъ ея храмовъ и иконъ и въ массѣ ея хартій. Хартій эти по крайней мѣрѣ предохранены отъ возможности утраты и порчи. Но нельзя того же сказать о надписяхъ. Авторъ настоящей записки самъ имѣлъ возможность убѣдиться въ своихъ поѣздкахъ по краю, что нѣкоторыя изъ надписей, списанныхъ въ 1847—1848 г. академикомъ Броссе, или исчезли безвозвратно, или уже не разбираются. Въ этомъ случаѣ дѣйствуютъ какъ время, такъ и невѣжество мѣстныхъ жителей. Въ Сванетіи, переполненной древними иконами съ самыми интересными надписями, множество этихъ иконъ обшито: золотыя и серебряныя ихъ обшивки, на которыхъ имѣлись надписи, содрапы; остаются одні голыя доски, — предметъ поклоненія свановъ. Въ Ахалцхскомъ уѣздѣ мусульманское населеніе, подъ вліяніемъ фанатическихъ муллъ, при всякомъ случаѣ пользуется для своихъ построекъ каменными плитами изъ церковныхъ сооружений; при этомъ натурально оно не щадитъ и ихъ надписей.

Необходимо помочь наукѣ въ этомъ дѣлѣ.

III.

О мѣрахъ къ предстоящему изученію Археологіи Кавказа.

Если изъ всего сказаннаго въ этой запискѣ можно составить хотя приблизительное понятіе о тѣхъ археологическихъ богатствахъ, которыми въ дѣйствительности изобилуетъ Кавказъ, то нельзя не удивляться, что онъ на большемъ своемъ пространствѣ остается мало, или лучше, вовсе неизслѣдованнымъ. Искать причину этого въ изолированности Кавказа отъ всѣхъ центровъ образованнаго міра и въ томъ исключительномъ положеніи,

въ какомъ онъ находился до 1860 года, было бы не совсѣмъ справедливо, и это тѣмъ болѣе, что доступъ въ него могъ считаться замкнутымъ только по отношенію къ населенію главнаго хребта, а не плоскости, гдѣ и самыя археологическія изысканія обѣщали всегда болѣе или менѣе обильные результаты, чѣмъ тѣ, на которые можно было бы рассчитывать въ горахъ. Но каковы бы ни были причины, замедлившія правильное и систематическое изученіе Кавказской археологій, мы не можемъ и не должны оставаться въ дальнѣйшемъ нашемъ къ ней равнодушій. Настала пора и Кавказъ, громко заявляя права на сочувствіе къ своей сѣдой древности, готовъ раскрыть современному міру цѣлую сокровищницу богатствъ, во множествѣ разбѣнныхъ на его почвѣ въ видѣ ли развалинъ и уцѣлѣвшихъ архитектурныхъ сооружений или въ видѣ могилъ до-христіанской эпохи, сокрытыхъ въ его нѣдрахъ.

Здѣсь мы не можемъ не оговориться съ признательностью о тѣхъ нѣкоторыхъ дѣятеляхъ, которые положили начало изученію Кавказской Археологій; изъ немногочисленной ихъ группы особенно выдаются имена Дюбуа де Монсерё, гг. Броссе, Хашькова и др. Но особенная признательность науки должна принадлежать Правительству, которое всегда, а тѣмъ болѣе ширѣ готова оказать въ этомъ отношеніи не только нравственную поддержку и поощреніе, но и дать на то матеріальныя средства, по скольку онѣ отъ него зависятъ. Готовность эта выразилась и въ послѣднее время, когда при трассировкѣ новой дороги отъ Тифлиса къ Михету, по правому берегу Куры и при устройствѣ тамъ же полотна желѣзной дороги, случайно были открыты слѣды древняго кладбища. Главное Управленіе Намѣстника, живо заинтересовавшее этимъ, тотчасъ же отрядило для изысканій на мѣстѣ г. Байерна и произведенныя имъ раскопки увѣнчались полнымъ успѣхомъ, доказавъ, что открытыя могилы должны быть отнесены къ до-христіанской эпохѣ. Подобныя же раскопки были сдѣланы, тоже по инициативѣ Правительства, и въ Лорійскомъ Приставствѣ. Результаты этихъ начальныхъ, такъ сказать, пробныхъ изысканій были столь блестящи, что Августѣйшій Намѣстникъ Кавказа выразилъ волю объ учрежденіи въ Тифлисѣ Археологическаго Комитета, подъ моимъ предсѣдательствомъ, съ возложеніемъ на него обязанности, разсмотрѣвъ открытыя въ Лорійскомъ Приставствѣ и около Михета древности, оцѣнить значеніе и взаимное ихъ отношеніе между собою, при чемъ составить и предположенія о дальнѣйшемъ систематическомъ продолженіи начатыхъ изысканій. Открытіе Комитета происходило въ первыхъ числахъ октября и само собою разумѣется, что въ столь короткій промежутокъ времени предложенная ему задача не могла быть выполнена во всей ея цѣлости, да и едва ли можетъ быть выполнена одними мѣстными силами и средствами, въ виду той специальности дѣла, которому Правительство желало бы положить прочное научное основаніе.